
ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Евразийская региональная интеграция как ответ неолиберальному проекту глобализации

Д. ЛЭЙН*

*Дэвид Лэйн – академик Британской академии общественных наук, почетный лектор и научный сотрудник, колледж Эммануэль Кембриджского университета. Адрес: Department of Sociology, Free School Lane, Cambridge CB2 3RQ, United Kingdom. E-mail: dsl10@cam.ac.uk

Цитирование: Lane D. (2015) Eurasian Integration as a Response to Neo-Liberal Globalisation. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 6–27 (in Russian)

В статье обсуждается феномен Евразийского союза, который, по мнению автора, является своеобразной реакцией на моральную и экономическую деградацию стран СНГ, спровоцированную неолиберальными преобразованиями и глобализацией. Утверждается, что Евразийский союз является частью более общего тренда, согласно которому современное политическое мироустройство движется по пути усиливающейся регионализации. Возможное развитие событий представлено в виде трех сценариев: Евразийский проект как 1) способ изоляции от мировой экономики, как 2) переходная стадия на пути к интеграции в мировую экономику, и, наконец, как 3) в большей степени автономный противовес уже существующим региональным объединениям. Третий вариант рассматривается как наиболее жизнеспособный, однако при том условии, что он будет предполагать укрепление связей со странами БРИКС и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

Ключевые слова: Евразийский союз, Европейский союз, Британское Содружество наций, БРИКС, Новый Регионализм, мир-системный анализ, альтернативы неолиберализму

Призывы к осуществлению радикальных преобразований в СССР основывались на предположении о том, что отсталость советской экономики и ее неспособность к инновационному развитию были обусловлены ее изоляцией от мировой экономики, а также сложившейся в нем централизованной политической системой,

не только испытывавшей проблемы с собственной легитимностью, но и в принципе неспособной к прогрессу. Таким образом, конечной целью реформ было объявлено вхождение в мировую экономику и возврат в демократическую Европу. В числе поборников глобализации, ратовавших за отказ от государственного социализма, оказались люди с совершенно разными биографиями. М.С. Горбачев и другие фигуры, причастные к реформированию СССР, активно консультировались не только с видными западными учеными (такими как, например, Мануэль Кастельс), но и с представителями крупных международных организаций (например, Международный валютный фонд). Они так или иначе возлагали большие надежды на то, что советской экономике удастся преодолеть свою отсталость благодаря интеграции в мировую экономическую систему и переходу на свободно-рыночные принципы организации национального хозяйства. Иммануил Валлерстайн с несколько иной точки зрения рассматривал это движение, а именно как давно ожидаемое слияние полупериферийных экономик с ядром мир-системы. Находились и те, кто оценивал это как осуществление предсказаний Френсиса Фукуямы, в какой-то момент посчитавшего, что неолиберальная глобализация представляет собой конечный пункт маршрута в человеческой истории. Впрочем, многие так или иначе разделяли идеалистические ожидания, связанные с открытием новой эры в мировой политике. В одном из своих официальных посланий бывший американский президент Джордж Буш охарактеризовал этот желаемый образ будущего как «новый мировой порядок, в котором различные народы должны естественным образом объединиться ради достижения универсальных целей – мира и безопасности, свободы и верховенства закона» (цит. по: [Falk 1999, p. 230]).

Однако движение к открытой рыночной экономике, основанной на частной собственности и более конкурентной политической системе, на деле не привели к ожидаемым результатам. Приватизация обернулась массовым разворыванием государственной собственности и необузданной коррупцией. Экономический коллапс, наступивший в результате демонтажа плановой экономики, вкупе с недееспособностью электоральной демократии спровоцировали массовое разочарование среди элит и простого населения. Международные организации, объединявшие социалистические страны, – Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи – потерпели крах, в то время как Североатлантическому альянсу (НАТО) и Европейскому союзу (ЕС) не только удалось укрепить свои позиции, но и существенно расширить свое влияние. Таким образом, если принять во внимание масштаб неоправдавшихся ожиданий, связанных с радикальной трансформацией, вряд ли можно считать удивительным то, что идея образования нового Евразийского союза обрела значительную поддержку в ряде постсоциалистических стран.

Путь к неолиберализму и глобализации

Для того чтобы понять сущность изменений, связанных с распадом европейского социалистического блока и началом самостоятельного движения входивших в него стран к мировой экономике, важно обратить внимание на две ключевые составляющие этого процесса: идеологию неолиберализма и процессы глобализации. Неолиберализм представляет собой целостную экономическую и политическую

доктрину, которая утверждает, что только ничем не сдерживаемый свободный рынок, поощряющий индивидуалистические интересы, является наиболее эффективной экономической системой, способствующей росту и процветанию. Институты, которые отстаивает неолиберализм, в первую очередь включают в себя частную собственность на средства производства и развитую финансовую систему, которая должна способствовать более эффективному размещению ресурсов через перераспределение капитала от менее прибыльных производств к наиболее прибыльным. Однако более широкая социологическая рамка предполагает, что неолиберализм также определяет те формы, в которых должно существовать современное гражданское общество: предоставление общественных услуг отводится частным организациям, тогда как за государством сохраняется лишь минимальная, хотя и необходимая роль по поддержанию прав собственности и функционированию рынков.

В свою очередь, процессы глобализации являются логическим следствием неолиберальной идеологии и имеют ряд следующих взаимосвязанных черт [*Held, McGrew* 1998, p. 220]: возможность удаленного взаимодействия (действия одних агентов могут приводить к заметным последствиям для других, даже если они разведены друг от друга на значительные расстояния); сжатие пространства и времени (современные электронные способы коммуникации привели к тому, что пространственно-временные ограничения отныне практически никак не влияют на способы социальной организации и социального взаимодействия); усиливающаяся взаимозависимость и глобальная интеграция (интенсификация межрегиональных взаимосвязей). Само по себе это определение лишено каких-либо политических и экономических коннотаций и представляет собой довольно абстрактную совокупность процессов. Однако того же нельзя сказать о фактическом содержании процессов глобализации, которое формируется под влиянием вполне определенных политических и экономических интересов. Сегодня эти интересы в большей степени созвучны с неолиберальными взглядами, которые получили широкую поддержку в западных странах, и в связи с этим именно они определяют сегодняшнее содержание глобализационных процессов. Распространение неолиберальной идеологии влечет за собой постепенный упадок национальных государств и усиление роли международных и глобальных игроков. И именно на этом геополитическом фоне сегодня следует рассматривать реакцию постсоветских политических элит на последствия постсоциалистической трансформации.

Множественность путей к мировой экономике

Можно выделить две формы интеграции постсоциалистических стран в мировую экономику. Для стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) путь в эту систему фактически был заказан через вхождение в состав ЕС, тогда как для остальных маршрут лежал через Содружество Независимых Государств (СНГ), неформально возглавляемое Россией, и в политическом, и экономическом отношении представлявшее собой более гибкое объединение, чем ЕС.

Для государств, вошедших в состав ЕС, процесс интеграции осуществился последовательно и скоротечно. Они не только стали органичной частью соответствующего регионального блока, но и получили право голоса в политическом и военном аппаратах Североатлантического альянса. Это способствовало привле-

чению необходимых инвестиций со стороны зарубежных корпораций и открытию многочисленных филиалов транснациональных компаний, причем объемы иностранного участия в национальных экономиках оказались настолько внушительными, что значительно превышали аналогичные показатели в развитых западных странах. Столь мощный приток иностранных инвестиций привел к подчинению значительной части собственности и финансовых потоков зарубежному капиталу. Встречные условия, на которых указанные страны вошли в состав ЕС, также предполагали создание максимально открытых рынков и значительное сокращение государственной поддержки определенных секторов экономики, что на деле вылилось в деиндустриализацию, сокращение социальных трансфертов, усиление социального неравенства и активную эмиграцию населения в более благополучные страны Европы. Таким образом, поглощение стран ЦВЕ европейским ядром капиталистической мир-системы обернулось для них снижением политической и экономической самостоятельности, или, проще говоря, потерей государственного суверенитета¹.

Степень интеграции СНГ в мировую экономическую и политическую систему была заметно ниже. В то же время, в отличие от ЕС, данная организация представляла собой существенно более разрозненную структуру, малоспособную к осуществлению согласованной политики и испытывавшую очевидные проблемы с формированием общей идентичности. К 2014 г. полноценное членство в этой организации имели Россия, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, Армения и Молдова; на правах наблюдателя в СНГ также входит Туркменистан. Кроме того, в организацию также входит Украина, однако в свете известных событий нынешним украинским правительством был всерьез поставлен вопрос о выходе из нее.

При этом страны, входящие в состав СНГ, также не являются сильно глобализированными. Согласно недавно опубликованному рейтингу стран по степени глобализации², Россия занимает 48-е место, Казахстан – 82-е, Белоруссия – 92-е. Если брать исключительно экономический аспект глобализации, то положение указанных стран в рейтинге составляет 97-е, 55-е и 108-е соответственно. Для всех стран СНГ характерна низкая степень проникновения иностранного капитала. Тем не менее из-за высокой доли конкурентоспособного импорта в этих странах существенно страдает обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство. Не является слишком заметной и доля высокотехнологичного производства. В то же время в структуре экспорта (преимущественно в западные страны) зачастую доминирует гипертрофированный добывающий сектор: в частности, крупнейшую экономику СНГ – российскую – можно охарактеризовать как гибридную³

¹ Впрочем, по поводу того, насколько значительной является эта роль, в существующей литературе имеются определенные разногласия. Аргументы в пользу значительного иностранного влияния представлены, например, в следующих работах: [Ohmae 1995; Crouch 2010]. Более умеренные оценки последствий глобализации см. в [Dickens 2003; Mann 2013].

² Рейтинг составляется на основе индекса, который ежегодно рассчитывается швейцарским аналитическим агентством KOF и является составным показателем, характеризующим степень экономической, социальной и политической вовлеченности государств в глобальные процессы. Цитируемые здесь данные относятся к 2013 г. См.: http://globalization.kof.ethz.ch/media/filer_public/2014/04/02/globalization_index_2013.zip (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.).

³ Речь идет о форме капитализма, сочетающей, с одной стороны, элементы неолиберальной экономической системы, а с другой – государственно-корпоративной – *прим. автора* (см., в частности: [Лэйн 2000]).

капиталистическую систему, в которой только энергетический сектор является наиболее интегрированным в мировую экономику и может похвастаться собственными крупными транснациональными компаниями, в то время как значительная часть отечественных промышленных и сельскохозяйственных предприятий находится на грани банкротства из-за невысокой способности конкурировать с западными производителями. Для сравнения, в тех постсоциалистических странах, которые стали новоиспеченными членами ЕС, степень проникновения иностранного капитала существенно выше, хотя она преимущественно сконцентрирована в банковском и финансовом секторе. Так, в 2008 г. в Эстонии, Литве, Чехии, Польше и Венгрии на иностранного собственника приходилось около 75% всех банковских активов, тогда как в России и Казахстане аналогичная цифра составляла не более 20%⁴. Совсем иначе выглядят страны ЦВЕ и по индексу глобализации: в 2013 г. Венгрия занимала 9-е место, Чехия – 15-е, Эстония и Польша – 25-е и 26-е соответственно (согласно рейтингу экономической глобализации – 7-е, 8-е, 14-е и 44-е места соответственно).

При том что трансформация не привела к впечатляющим темпам экономического роста, практически все страны бывшего СССР испытали значительное ухудшение качества жизни. Демонтаж системы государственного социализма привел не столько к обновлению экономических и социальных институтов, сколько к их деградации. Более того, Россия утратила статус мировой сверхдержавы, который она занимала на протяжении многих лет до распада Советского Союза. Для многих постсоветских стран испытание трансформацией сопровождалось кризисом культурной идентичности. В политическом и экономическом отношении эти страны оказались отброшены далеко назад по сравнению с положением, которое в мире некогда занимал Советский Союз. Так, согласно Индексу человеческого развития в конце 1980-х гг. СССР занимал 31-е место в мире; для сравнения – в 2009 г. Россия стояла лишь на 71-м. Белоруссия «скатилась» с 52-го (1990 г.) на 68-е (2009 г.), Казахстан – с 59-го на 81-е⁵. В связи с этим происходившее гораздо уместнее назвать политическим хаосом и экономической деградацией, чем успешным и сбалансированным развитием.

Евразийская альтернатива

На фоне этого погружения в хаос и на почве разлагающегося социального порядка стали прорастать идеи евразийства и образования нового Евразийского союза. Это движение следует рассматривать как закономерную реакцию на откровенный провал трансформационных процессов, начатых М.С. Горбачевым и продолженных Б.Н. Ельциным, и связанный с ним скепсис новых постсоветских элит по поводу нелиберального проекта интеграции, возглавляемого ведущими западными странами и ассоциирующегося с глобальной политикой Соединенных Штатов.

Идеи евразийства, созревшие еще в конце XIX – начале XX вв. за пределами России, достаточно хорошо известны и в данном случае не являются предметом

⁴ Данные взяты с сайта Европейского банка реконструкции и развития: <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/macrodatab/sci.xls> (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.).

⁵ Подробные сравнительные данные см. в [Lane 2014, pp. 270–271].

специального обсуждения⁶. В основе идеи евразийства лежит признание специфической системы ценностей, корни которой уходят в особую историю народов Евразии и воплощением которых является особый институциональный порядок, сложившийся в дореволюционной России и весьма своеобразно «переизданный» в форме советского проекта. Важно понимать, что во многом евразийство сформировалось на противопоставлении западным представлениям о «правильном» мироустройстве. Впрочем, нельзя утверждать, что данная концепция является сколько-нибудь целостной или четкой, и это в свою очередь открывает возможности для ее широкого толкования: она включает в себя и созревшие в ходе особого исторического опыта ценности, и консервативное религиозное учение православной церкви, и коллективистский характер евразийских обществ, приветствующий, с одной стороны, власть сильного лидера, а с другой – служение институтам в интересах народа. В пространственном отношении евразийство относится к территориям, некогда подчиненным чингизидами и впоследствии послужившим географической матрицей для формирования Российской империи и СССР.

Евразийство не имеет под собой какой-либо наукообразной идеологической основы, такой, как, например, представление о классовом устройстве современных обществ (в марксистской теории) или примате расовых различий (в нацистской идеологии). Александр Дугин – один из современных идеологов евразийства – не ссылается и не развивает в своих работах какую-либо строгую социологическую теорию, подкрепляющую его размышления о евразийстве. Обсуждая культурные различия между Россией и Америкой, он не видит существенных поводов для вражды между американским и российским народом⁷ и лишь подчеркивает, что разные общества (или цивилизации) могут опираться на различные традиции, ценности и уклады жизни. В то же время объектом его яростной критики является то, как позиционируют себя американская и глобальная политическая элиты, которые не только открыто противопоставляют западные ценности евразийским, но и оправдывают этим свое агрессивное наступление на последние. Как уже было замечено, А. Дугин, а также другие сторонники евразийских взглядов не апеллируют к классовой теории или теории элит, они призывают к борьбе с «глобальной олигархией» и «американской политической элитой», но при этом не дают этим понятиям сколько-нибудь четкого определения. В целом, анализ А. Дугина сводится к постулированию фундаментальных, но отнюдь не взаимоисключающих различий между двумя культурами, однако, как уже было замечено, эти расхождения не теоретизируются в социологическом ключе. Характерно, что А. Дугин отмечает роль «вестернизаторов», «атлантистов» (к которым он относит и Н.С. Хрущева) в российской истории⁸, но не дает адекватного объяснения тому, как и почему представители этих взглядов в какой-то момент перенимают западный образ мышления. Сегодня российским евразийцам, как и прежде, противопоставляются представители западных взглядов, чья буржуазность проявляется уже не только

⁶ Среди ключевых проводников этой концепции можно назвать Льва Гумилева [Гумилев 1993] и Александра Дугина [Дугин 2004].

⁷ См., напр., заметку А. Дугина с обращением к американскому народу по поводу украинского кризиса (на англ. яз.): <http://openrevolt.info/2014/03/08/alexander-dugin-letter-to-the-american-people-on-ukraine/> (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.).

⁸ См. заметку А. Дугина о «войне континентов» (на англ. яз.): <http://openrevolt.info/2013/02/03/alexander-dugin-the-great-war-of-continent/> (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.).

в открытой поддержке соответствующей идеологии (в сегодняшнем случае – неолиберальной), но и де-факто классовой принадлежностью.

Евразийство не содержит каких-либо экспансионистских устремлений: признающееся его органичной частью православие не призывает к крестовым походам против представителей других культур. Данная совокупность идей относится исключительно к культурному и географическому феномену. К тому же по своей сути евразийство не только допускает сосуществование разных культур (например, исламской и православной), но и органично уживается с различными способами производства, такими как капитализм или социализм. Таким образом, идеи евразийцев Л. Гумилева и А. Дугина оказываются вполне пригодными для формирования новой легитимационной парадигмы, способной принимать различные формы и создающей возможности для множества интерпретаций как среди своих сторонников, так и среди оппонентов, речь о которых пойдет ниже.

Евразийство сегодня все больше представляет собой пул идей, из которого правящие элиты, а также обслуживающие их интеллектуальные и академические круги формируют идеологию, служащую средством легитимации осуществляемой ими политики. При этом важно понимать, что принципиальная возможность такой легитимации допускается только в том случае, если для этого существуют необходимые предпосылки, т.е. если народ принимает соответствующие ценности и отвергает противоречащие этим ценностям альтернативные представления об оптимальном социальном порядке. В качестве такого порядка евразийцы пытаются отстоять альтернативную модель политической и экономической организации, которая могла бы составить конкуренцию доминирующей сегодня в мире неолиберальной модели. И совсем неудивительно, что это движение принимает реакционные формы в том смысле, что противопоставляет себя господствующим западным представлениям о мироустройстве и стремится обрести в мировом сообществе достойное место Евразии. В основе политики, пронизывающей проект евразийской интеграции, лежат прежде всего экономические и геополитические соображения.

Тем не менее взгляды на перспективность такого объединения крайне неоднородны. Поводом для критики являются двойственность, непоследовательность и даже противоречивость идей, лежащих в основе проекта евразийской интеграции. Однако критическое отношение к подобным проектам и преобладание скептических настроений, как известно, наблюдалось и в ситуации с другими историческими прецедентами, в частности, с идеей объединенной Европы или идеей «британства», лежавшей в основе создания Британского Содружества наций.

Некоторое время назад президент В.В. Путин вполне допускал возможность воплощения на территории Евразии образования, создаваемого по образу и подобию Европейского союза, основанного на неолиберальной экономической модели⁹ и предполагавшего ведущую роль России в этом интеграционном процессе. Чуть позднее акцент в его риторике эволюционировал в пользу союза, который предполагал бы расширение связей Европы с Азиатско-Тихоокеанским регионом и в котором Евразия должна сыграть роль ключевого связующего звена¹⁰. Сегодня Ев-

⁹ В 2011 г. в своей статье для газеты «Известия» (от 3 октября) он ратовал за создание зоны свободной торговли, которая имела бы отчетливо неолиберальную подоплеку, так как должна была сводиться к обеспечению свободного движения рабочей силы, капитала, товаров и услуг между государствами-участниками объединения.

¹⁰ См., в частности, его заявление на ежегодном заседании Валдайского клуба в 2013 г.: <http://eng.kremlin.ru/news/6007> (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.).

разийский союз по-прежнему рассматривается как объединение, скорее, комплементарное, чем противопоставляющее себя Европейскому союзу. В своих более ранних высказываниях В.В. Путин также не исключал того, что Евразийский союз со временем может претендовать на роль проекта общеевропейской интеграции, однако экспансионистская политика ЕС и НАТО, направленная на Восток, привела к поляризации отношений между Западом и Евразией и заставила Путина переменить свои взгляды в пользу усиления связи с евразийскими государствами, а также другими региональными объединениями (такими как, например, Шанхайская организация сотрудничества). Наконец, как известно, его попытка навязать этот проект государствам, лежащим к западу от России, была пресечена политическим кризисом на Украине и жесткой конфронтацией с ЕС. Усиление евразийства и сопутствующей риторики является не агрессивным движением, направленным против западных стран, а закономерной реакцией на стремление ЕС и НАТО усилить свое влияние на границе с Евразией.

Впрочем, подобные колебания в риторике российского политического руководства могут быть объяснены не только внутренними причинами, но и контекстом мирового экономического кризиса, разразившегося в 2007 г. и отдающего последствиями по сей день. Это кризис не только усугубил последствия трансформационных процессов, но и обнажил зыбкость неолиберальных претензий на доминирование в современном глобализационном проекте. Разрушительные последствия экономического кризиса для стран, не являющихся ядром мир-системы, лишь усилили их потребность в восстановлении национального суверенитета и послужили толчком к поиску альтернативных форм экономической координации. Проект евразийской интеграции, таким образом, также можно рассматривать как часть более общего тренда, связанного с неоправданными ожиданиями по поводу неолиберальной модели глобального мироустройства.

Российское политическое руководство активно использует евразийскую идею для того, чтобы, с одной стороны, придать легитимность региональному порядку, одним из центральных компонентов которого является Россия, а с другой – оградить этот порядок от внешнеполитических и экономических амбиций глобального неолиберального порядка, возглавляемого США. Многополярность, основанная на признании устойчивых культурных, цивилизационных и этических различий, отныне является ключевым аспектом внешней политики В.В. Путина и, несомненно, будет иметь существенные геополитические следствия.

Двойственность регионализма

Недолгое время после распада СССР в мире поддерживалась иллюзия монополярного мирового порядка, центром которого являются Соединенные Штаты. Однако довольно скоро в мире обозначился запрос на формирование новых региональных объединений и обратное движение в сторону более сбалансированной многополярной системы. По мнению некоторых современных ученых, ответом на глобализацию с ее всепроникающей международной торговлей и денационализацией политики становится укрепление региональных ассоциаций, постепенно превращающихся в основных агентов на глобальной арене [Katzenstein 2005]. Так, на 31 января 2014 г., в мире насчитывалось 377 действующих

региональных торговых объединений, на которые приходится более половины мировой торговли¹¹.

Однако Евразийский экономический союз (таково официальное название организации, договор о создании которой официально вступил в силу 1 января 2015 г.) представляет собой не просто таможенный союз, поскольку в действительности предполагает создание ассоциации с более широкими политическими целями и амбициями. По форме этот союз является вполне капиталистическим, и предполагается, что он должен занять свое место в мировой экономической системе. Основной упор в политике ассоциации делается на том, чтобы воспрепятствовать и даже повернуть вспять отрицательные следствия глобализации и в особенности способствовать укреплению суверенитета национальных государств, принадлежащих к данному блоку. К тому же следует добавить, что Евразийский экономический союз был создан не на пустом месте – внутри блока уже действует ряд пересекающихся друг с другом экономических ассоциаций. В особенности выделяется Таможенный союз, в который сегодня входят Россия, Казахстан и Белоруссия, а также Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое включало в себя и другие страны, такие как Молдова, Украина и Армения.

Новый регионализм – подход, который сегодня активно развивается в западных политических науках – рассматривает региональные союзы как своеобразный шаг в эволюции национальных государств, в связи с чем первые обладают рядом существенных черт, сближающих их с последними. ЕС в этом смысле представляет собой одну из возможных моделей для имитации. Для того чтобы региональный союз мог оказаться успешным, ему требуется не только развитый экономический базис (чем страны, исходно образовавшие ЕС, обладали вне всякого сомнения), но и определенные формы культурной идентификации, а также политические и социальные связи, формирование и поддержание которых, как известно, стало одной из основных проблем, угрожающих в наши дни устойчивости ЕС. С другой стороны, есть определенные основания полагать, что Евразийский союз предполагает большую гибкость в указанных аспектах (культурных, политических и социальных) и потому способен стать более комфортной рамкой для объединения. В то же время его не следует рассматривать как движение против капитализма, даже при том что государство воспринимается как активный участник его экономической системы, поскольку функция государства видится, в первую очередь, в поддержке крепнущих национальных производств. Представляется, что подобного типа региональное объединение вполне может эволюционировать в новый – национальный или государственный – тип капитализма.

Экономический потенциал подобных региональных объединений заключается в создании общего внутреннего рынка, и у Евразийского союза он, несомненно, является достаточно большим. Более того, все страны, входящие в этот союз, имеют низкую степень транснационализации, которая означает, что значительная доля добавленной стоимости создается собственными, а не зарубежными компаниями. Политическое устройство евразийских стран также достаточно однородно, что связано с институциональной преемственностью по отношению к некогда объединявшему их Советскому Союзу, и, безусловно, определенной спецификой этой

¹¹ В том числе 18 таможенных союзов и 218 соглашений о свободной торговле. Согласно данным ВТО: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (доступно по состоянию на 14 декабря 2014 г.). Также см. в [Mansfield, Milner 1999].

институциональной организации является то, что население этих стран возлагает на государство роль основного поставщика социальных услуг. Кстати, во многом из-за деградации данной сферы, спровоцированной неолиберальной экономической политикой и повлекшей за собой усиление недовольства со стороны населения, часть постсоветских элит была вынуждена пересмотреть свои взгляды на оптимальную экономическую модель.

Определенной скрепляющей основой для Евразийского союза является сильная национальная идентичность, языковая и историческая общность. В культурном отношении, в особенности для славянских народов, скрепляющую функцию также играет православие. Причем, несмотря на доминирующий русский компонент в культуре Евразии, в ней также находят себе место мусульманские народы (примером столь удачного сочетания также может считаться Великобритания, в которой наряду с доминирующим христианским культурным ядром вполне органично уживались мусульманская и еврейская культуры, не говоря о еще большем культурном разнообразии в рамках Британского Содружества). Наконец, евразийские народы достаточно четко идентифицируют себя на противопоставлении западной культуре.

Однако на этом достаточно благоприятном, на первый взгляд, фоне отчетливо слышатся сомнения, звучащие со стороны критиков евразийского объединения. Одним из основных малоразрешимых противоречий в идейном фундаменте евразийского проекта видится потенциальный конфликт между активной ролью государства и рыночной организацией экономики. Другие скептики обращают внимание на то, что ставка на национальный суверенитет может оказаться несовместимой с идеей региональной интеграции (а также фактическим членством России во Всемирной торговой организации). Также звучат сомнения по поводу совместимости общих геополитических и сугубо экономических интересов, предполагающих укрепление Таможенного союза. Таким образом, Евразийский союз во многом представляется нежизнеспособным в силу внутренних противоречий, заложенных в самой идее столь всеохватной интеграции. Ниже я предлагаю выделить и более подробно обсудить три контрастирующих точки зрения на возможные перспективы этого союза.

Три возможных сценария

Первая точка зрения сводится к тому, что Евразийский союз окажется для входящих в него стран экономическим тупиком. Это мнение разделяют многие западные критики, которые полагают, что экономический союз, в котором ведущая роль отводится государству, приводит к изоляции, злоупотреблениям протекционистскими мерами и, в конечном счете, торможению экономического развития. Утверждается, что такая модель несовместима с инновациями и прогрессом, и дальнейшее развитие событий видится в сценарии, весьма похожем на экономическую деградацию, которая наблюдалась в последние годы существования СССР. Аргументы, которые часто приводятся в таких случаях, на самом деле хорошо известны и сводятся к тому, что никакой альтернативы неолиберальной модели в сегодняшнем мире просто не существует. Вероятно, почва для таких заблуждений и была благодатной во времена М.С. Горбачева и Маргарэт Тэтчер, однако сегодня

можно констатировать, что это не более чем идеологическая конструкция, поскольку, как мы видим, Китай оказался в состоянии продемонстрировать принципиально иную возможность успешного развития, в котором государству отведена активная направляющая роль. Кроме того, безальтернативность неолиберальной модели ставится под сомнения успехами социальной рыночной экономики в Германии и скандинавских странах, которые способны поддерживать не только устойчивый экономический рост, но и относительно равномерное распределение создаваемого общественного продукта.

Другие критики, оппонирующие идеям евразийской интеграции, вовсе рассматривают евразийство как прямую угрозу западным ценностям и видят в нем не только способ легитимации альтернативного экономического порядка, но едва ли не попытку воскресить Советский Союз как геополитическое образование, претендующее на роль нового гегемона в сложившейся мир-системе.

Однако все эти возражения указывают на ошибочное понимание позиции политических проводников Евразийского союза в России, Казахстане и Белоруссии. Во-первых, несостоятельной является критика относительно того, что страны-участники Союза стремятся к достижению экономической автаркии (которая действительно имела место в СССР), поскольку это не является провозглашаемой целью интеграции, а частичные протекционистские меры, которые допускаются в рамках такой региональной ассоциации, должны послужить лишь в качестве временного средства для опережающего развития определенных секторов экономики (о том, что неолиберальная критика против создания региональных ассоциаций в большей степени апеллирует к идеологическим построениям, чем к рациональным аргументам (см., в частности, в [Schulz, Soderbaum, Ojendal 2001]). Во-вторых, при том что евразийство действительно представляет собой цивилизационную и отчасти идеологическую концепцию, оно, как уже было замечено выше, отнюдь не претендует на внешнюю экспансию (и уж тем более не оправдывает эту экспансию идеологией классового конфликта, националистическими или религиозно-миссионерскими идеями).

Модель Европейского союза

Согласно второй распространенной точке зрения, новая региональная ассоциация должна стать переходным этапом на пути к интеграции в мировую систему, в которой лидирующее положение сохраняют западные страны. В качестве модели рассматривается объединение по примеру ЕС со всеми соответствующими структурами и институтами, причем некоторые сторонники этой идеи вовсе предлагают досконально копировать эту модель. При этом отмечают они и то, что в этом случае Евразийский союз будет иметь ряд преимуществ перед ныне существующим Европейским союзом. Во-первых, по своему составу он является более однородным, чем ЕС: Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения в культурном, политическом и социальном отношениях имеют между собой гораздо больше общего, чем европейские страны. Безусловно, нельзя исключать проблему национальных меньшинств (в особенности мусульманских), однако эти страны связывает языковое единство и более длительный опыт сосуществования в рамках единого государства. К тому же на фоне насыщенной военными конфликтами истории

европейских государств евразийские страны положительно отличает отсутствие серьезных исторических поводов для взаимной неприязни. Не существует среди них противоречий и относительно оптимальной модели общественного устройства, поскольку во всех этих странах сложился определенный консенсус относительно роли государства в социальной и экономической сферах, а также в отношении приоритета коллективистских, общественных установок над индивидуальными. Наконец, не разделяет их наличие двойных моральных обязательств, как это, в частности, имеет место с нынешней Великобританией с ее одновременно англофонными и трансатлантическими амбициями. В связи с этим совсем неудивительно, что некоторые евразийцы весьма благосклонно относятся к идее использовать ЕС в качестве образца для собственной региональной ассоциации. Несмотря на очевидные сложности и проблемы, с которыми сталкивается сегодняшняя объединенная Европа, ею также восхищаются как примером положительных экономических достижений и достаточно успешной интеграции национальных государств.

Однако некоторые эксперты склоняются к тому, что подобные региональные ассоциации являются комплементарными по отношению к сложившейся мир-системе. Согласно Бьорну Хеттне, страны, входящие в ее ядро, весьма искусно используют эти ассоциации в целях консервации существующего неолиберального порядка [Hettne 2001, pp. 3–4]. Примерно в этом же духе рассуждают другие авторы, отмечающие, в частности, что создание региональных союзов использовалось Соединенными Штатами в качестве своеобразной мягкой силы, направленной в первую очередь на распространение их собственных интересов [Mittelman, Falk 1999]. В соответствии с этими представлениями ядро мир-системы включает в себя несколько таких регионов – европейский (ЕС), североамериканский (НАФТА) и восточноазиатский – каждый из которых контролируется своими крупными транснациональными корпорациями, безусловно заинтересованными в продвижении и легитимации неолиберальной идеологии. И, таким образом, регионализация может рассматриваться как вполне органичная часть этой идеологии.

Согласно такому подходу, на периметре ядра мир-системы располагаются так называемые промежуточные региональные объединения, к которым, в частности, относятся постсоветские страны. Государства в этой промежуточной зоне достаточно тесно связаны с регионами, входящими в состав ядра, и постепенно им ассимилируются. Эксперты, разделяющие эту точку зрения на современное мироустройство, отмечают, что ведущие страны могут использовать различные региональные соглашения в целях расширения зоны свободной торговли и увеличения доступности рынков для собственных транснациональных компаний. Таким образом, новые регионы превращаются в своего рода переходные звенья. Примерами таких звеньев являются Южная и Центрально-Восточная Европа, которые с присоединением к ЕС стали частью этого неолиберального экономического порядка. И если по каким-либо причинам эти новые регионы оказываются неспособны соответствовать условиям, на которых им предлагается стать частью ядра мир-системы, они рискуют вернуться обратно на ее периферию [Hettne 2001, p. 6].

Эту точку зрения поддерживают те сторонники Евразийского союза, которым близки аргументы, приводимые Б. Хеттне: если этот союз будет построен на свободно-рыночных принципах, Евразийский союз тем самым обеспечит себе плавное вхождение в ядро мир-системы. Например, озвученное В.В. Путиным предложение углубить сотрудничество в рамках единого экономического пространства,

целью которого была либерализация внешнеэкономических отношений между Россией, Беларуссией и Казахстаном, открыто приветствовалось Европейским банком реконструкции и развития [EBRD 2012, ch. 4]. В том случае, если сценарий будет развиваться по этому пути, Евразийский союз не будет представлять угрозы существующему порядку как система, основанная на альтернативных принципах социальной и экономической организации. Он лишь превратится в новый экономический регион внутри той же преимущественно неолиберальной мир-системы, и этот регион будет функционировать не столько в интересах стран, образующих данный региональный блок, сколько в интересах глобальных игроков. Социокультурная специфика евразийства будет «подмята» под себя глобальной рыночной экономикой, и сам союз в роли переформатированного СНГ, таким образом, будет иметь чисто символическое значение.

Однако такой вариант евразийской интеграции таит в себе существенные риски. Прежде всего, интеграция по модели ЕС вступает в противоречие с одной из главных установок в политике В.В. Путина и Н.А. Назарбаева, а именно – с установкой на сохранение государственного суверенитета. ЕС требует от входящих в его состав государств признания общих принципов политического устройства и приоритетов во внешней политике, а также создания и поддержания единых экономических механизмов, что значительно ограничивает их самостоятельность и идет в разрез с поддержанием государственного суверенитета. Законы ЕС имеют приоритет над национальными, что существенно ослабляет роль внутреннего законодательства и обесценивает электоральный процесс, выполняющий функцию легитимации принимаемых на национальном уровне законов. Следствием этого является рост политической напряженности, поскольку с утратой государственного суверенитета и самостоятельности в принятии решений не готовы мириться не только правящие элиты европейских стран, но и внутренняя политическая оппозиция. К тому же против внутренней сплоченности ЕС работают языковые, культурные и исторические различия, разделяющие европейские народы. Особенно заметный удар по этой сплоченности был нанесен мировым экономическим кризисом, когда навязанный со стороны ЕС режим жесткой экономии был встречен открытыми протестами населения, раздраженного бессильностью и уступчивостью своих властей по отношению к наднациональным структурам. Последствия кризиса также поставили под удар привлекательность глобализации и неолиберальной экономики, однако, несмотря на общий возросший скептицизм, никто в Европе так и не смог предложить жизнеспособную альтернативу на смену этой модели развития. В связи с этим есть все основания полагать, что политическая и экономическая ассоциация по типу ЕС может оказаться несовместимой с принципами, на которых базируется идея евразийской интеграции.

Евразия как региональный противовес

Существует, однако, и третий вариант, по которому Евразийский союз мыслится как политический и экономический противовес уже существующим объединениям. Но, в отличие от рассмотренной выше модели, это сотрудничество допускает определенное институциональное разнообразие входящих в состав союза государств – Беларуссии, России, Казахстана, Армении – и признает существование различных политических дискурсов и интересов. Так, Казахстан прежде всего

поддерживает идею более тесной экономической интеграции (в ЕС эта позиция более свойственна Великобритании), тогда как Белоруссия вполне приветствует не только экономический, но и более широкий политический союз (что соответствует нынешней позиции Италии).

Вполне вероятно, что Евразийскому союзу удастся сформировать экономическую систему, в которой государству будет отведена активная координирующая роль, и даже собственную политическую систему, основанную на коллективистских и консервативных религиозных ценностях и отличную от западной electoralной демократии. И нет никаких оснований полагать, что это само по себе должно препятствовать успешному экономическому обмену с другими участниками мир-системы, равно как ошибочно рассматривать национальную, самобытную форму капитализма как исключаящую неолиберальную (и наоборот).

Однако для того чтобы обеспечить достаточный государственный суверенитет и сохранить национальную идентичность каждого государства, входящего в Евразийский союз, он должен обладать более гибкой организационной структурой. Подходящими моделями в данном случае представляются Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), которое было предшественником современного ЕС, а также Британское Содружество наций, которое существовало еще до того, как Великобритания стала частью ЕЭС. Обе этих организации строились на едином фундаменте, основу которого составлял таможенный союз, внутри которого отдельные государства могли поддерживать определенную политическую самостоятельность.

Причем в контексте Евразийского союза и его нынешних целевых установок особенно интересным представляется пример Британского Содружества наций. Во-первых, это объединение было связано признанием единого средства обмена – стерлингом, который использовался для осуществления значительной части экономических транзакций между его участниками. При общей идеологии и схожих политических институтах, тем не менее, допускались значительные расхождения во взглядах и интересах отдельных государств. В культурно-ценностном отношении содружество было преимущественно христианским, в нем доминировала британская система ценностей, что, впрочем, не мешало участию в этом объединении стран с преимущественно иными религиями и отличными системами ценностей. Члены Содружества также обладали сильной культурной идентификацией в силу общности объединявшего их английского языка и признания общих союзников и врагов. Но самое главное – государства, входившие в состав Содружества, обладали значительным государственным суверенитетом.

Представляется, что схожими соображениями сегодня руководствуются лидеры постсоветских государств, делающие ставку на Евразийскую интеграцию. Вероятно, преждевременным на этом этапе было бы создание единой валюты ради конкуренции с долларом или евро (как это звучало, в частности, в отношении алтына), поскольку это может привести к тем же сложностям, которые возникли в этой связи у ЕС. Однако в качестве промежуточной меры вполне было бы допустимо использовать какую-то одну валюту (например, рубль) как средство для осуществления торговых сделок. Это позволило бы ослабить давление, которое на экономику евразийских государств оказывают колебания других валют (таких как доллар), и одновременно сохранить за странами возможность контролировать собственную валюту в целях обеспечения экономического суверенитета (как это сегодня осуществляется Великобританией).

Тем не менее перед Евразийской интеграцией даже в таком варианте стоит один весьма существенный вопрос: располагает ли данный союз достаточной экономической мощью, чтобы быть успешным, имея в своем активе только три государства? Многие критики высказывают на этот счет разумные сомнения, поскольку в отсутствие такой мощи им будет крайне трудно осуществить необходимую модернизацию, которая является жизненно необходимой для того, чтобы на равных конкурировать с ведущими западными странами. К примеру, согласно составленному изданием *Forbes* в 2014 г. списку из 2000 крупнейших мировых корпораций, Белоруссия и Армения вообще никак не были представлены в данном перечне, Казахстан – 3 компаниями (два банка и одна газовая компания), Россия – 28 (из которых 13 являются добывающими компаниями, 3 – банками). Таким образом, в нынешнем виде Евразийскому союзу существенно не хватает критической экономической массы, чтобы сформировать достойный противовес относительно существующей мир-системы. Для сравнения: в этом же списке Бразилия была представлена 25 компаниями, Индия – 44, и, наконец, Китай – 136 компаниями, из которых 3 занимают первые места в рейтинге.

Подъем региональных блоков

Евразийский союз – не единственное региональное объединение, частью которого является Россия. Огромную роль в укреплении многополярности и полицентризма в существующей мир-системе сегодня также играют БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Россия рассматривает эти организации как комплементарные по отношению к ЕС и ВТО, однако для того чтобы превратить Евразийский союз в жизнеспособный региональный экономический блок, его экономический потенциал может существенно усилить именно развитие сотрудничества с Китаем и другими странами БРИКС. К 2011 г. на страны БРИКС приходилось 23% мирового ВВП (измеренного по паритету покупательной способности) [Laidi 2012, p. 616]. Вместе Россия, Индия и Китай располагают внушительной промышленной и военной мощью, а также колоссальными внутренними рынками. Еще в 2009 г. Китай потеснил США в рейтинге крупнейших торговых держав. Уже сегодня эти страны располагают мощным потенциалом в области научно-исследовательских разработок. Укрепление сотрудничества в рамках подобных региональных ассоциаций является для этих стран одним из способов снижения зависимости их экономик от мировых финансовых кризисов. Кроме того, БРИКС и ШОС весьма терпимо относятся к тем принципам, на которых выстроена политика стран, принадлежащих к Евразийскому союзу. По мнению З. Лаиди, руководители этих стран являются одними из наиболее последовательных защитников идеи национального государства. Они не стремятся к созданию антизападной политической коалиции и не отстаивают радикально отличных взглядов на мировое устройство, но при этом чрезвычайно высоко ценят независимость и возможность проводить самостоятельную политику [Laidi 2012, p. 614]. Они продвигают идею экономической интеграции и сохранения национального государства, не ввязываясь в откровенное противостояние с ведущими западными странами, считающими себя центром мирового экономического порядка.

В связи с постепенным подъемом стран, относящихся к полупериферии¹², на фоне относительного ослабления США есть основания полагать, что в долгосрочном плане в мир-системе возможно возникновение мощных противовесов, и Евразийский союз вполне может стать одним из ключевых игроков в этом процессе. Однако для того чтобы создать мощный противовес, способный поставить под сомнение безальтернативность глобального неолиберального порядка, он должен оказаться частью более крупной комбинации, предполагающей сотрудничество с другими региональными блоками и странами, лежащими на полупериферии нынешней мир-системы (прежде всего БРИКС и ШОС). И нынешняя геополитическая обстановка, в которой НАТО и ЕС продолжают осуществлять (или, по крайней мере, не ослабляют) давление на Восток и третируют Россию санкциями за ее позицию по поводу украинского кризиса, совершенно объективно подталкивает Евразийский союз к усилению сотрудничества с другими региональными экономическими блоками. В частности, эскалация экономических и прочих санкций со стороны стран НАТО в отношении России уже стала поводом для усиления ее связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В более долгосрочной перспективе это может обернуться переключением на стратегии импортозамещения, что в конечном итоге окажется контрпродуктивным для самих западных стран.

Укрепление региональных блоков и повышение интенсивности их взаимного сотрудничества может стать реальной альтернативой рыночной глобализации. И поскольку этот процесс немислим без активного участия государства, наиболее вероятной формой такого движения является национальный и/или государственный капитализм. Лежащие в его основе принципы созвучны с теми, о которых некогда рассуждал Вернер Зомбарт, полагавший, что интересы государства и общества могут и должны ставиться выше интересов отдельных индивидов, т.е. принципы, которые в корне отличаются от тех, что проповедуются в англосаксонской идеологии (см.: [Darden 2009, p. 87]), и, наоборот, совпадают с идейными принципами, не чуждыми посткоммунистическим странам, выбравшим путь евразийской интеграции. Аналогичным образом рассуждал Фридрих Лист, считавший, что индивиды извлекают значительную часть своей производительной силы благодаря тому, что государство осуществляет важную координирующую функцию в обществе и своим активным присутствием в экономике позволяет обеспечить максимально благоприятный фон для развития (цит. по: [Barkai 1990, p. 78]). Ф. Лист был активным сторонником разумного протекционизма и мер государственного стимулирования в экономике, оправдывая это необходимостью осуществления форсированной индустриализации и усиленного развития зарождающихся отраслей, о конкурентоспособности которых невозможно судить только потому, что соответствующие ниши на мировых рынках уже кем-то заняты. Кроме того, важно отметить, что Евразийский союз не является противником капитализма как такового (и как его пытаются выставить некоторые комментаторы) и в этом смысле не представляет угрозу частной собственности. Однако сам факт его присутствия в экономике действительно может стать существенным вызовом для транснациональных корпораций и их частных интересов и тем самым способствовать новой конфигурации взаимоотношений между ядром мир-системы и ее полупериферией.

¹² Речь идет о таких экономиках, как Китай – т.е. экономиках, которые располагают значительным промышленным потенциалом и могут вырастить собственные транснациональные компании, но при этом не являются ядром неолиберальной мир-системы.

Становление противовесов

Нынешняя мир-система претерпевает определенную эволюцию в связи с возникновением экономических и политических противовесов, образуемых на полупериферии сильными региональными блоками. Полупериферийные страны, такие как Россия и Китай, с одной стороны, остаются не интегрированными в ядро этой мир-системы, отстаивающей сложившийся неолиберальный порядок, а с другой, постепенно наращивают свой экономический потенциал и число собственных транснациональных компаний. Заметное присутствие государства в экономике в России и Китае позволяет не только покровительствовать этим компаниям, но и осуществлять над ними контроль в национальных интересах. Такой режим экономической координации гармонично сочетается с преимущественно коллективистскими установками, характерными для данных стран, а также с предшествующим опытом плановой экономики, который вполне может быть переосмыслен в позитивном ключе. Кроме того, вполне возможно, что характерные для этих стран высокие уровни неравенства могут подтолкнуть государство к еще большему участию в перераспределении общественных излишков, однако совсем необязательно, что это будет сопровождаться наращиванием государственной собственности. В любом случае сам факт существования подобных гибридных экономических систем, обладающих значительной экономической мощью, позволяет говорить о том, что в мировой системе наметилось обратное движение от монополярности к многополярности.

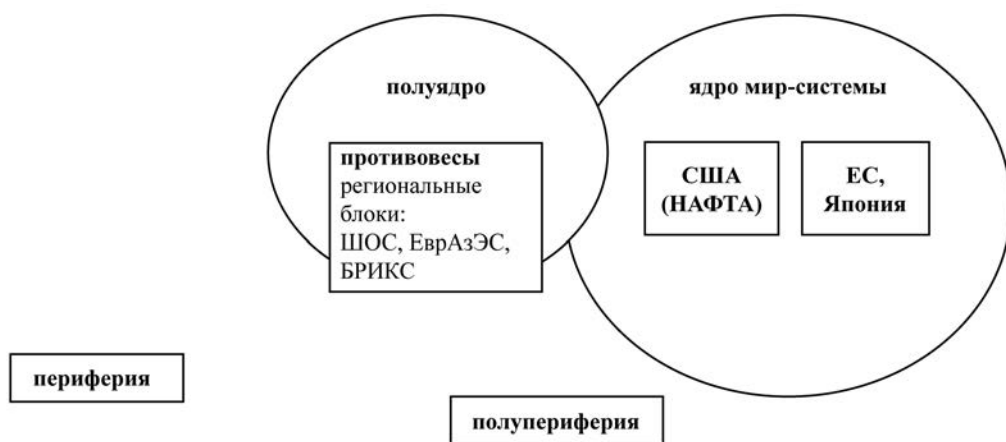

Рисунок 1. Мир-система: ядро, полупериферийные противовесы и периферия

То, как выглядит эта многополярная конфигурация современной капиталистической мир-системы, представлено на *рисунке 1*. Ядром этой системы по-прежнему являются ведущие западные страны и возглавляемые ими региональные объединения, такие как НАФТА (США) и ЕС. К полужядру относятся страны, образующие собственные региональные блоки и тесно взаимодействующие друг

с другом, а также включенные в систему экономического обмена с центром господствующего неолиберального порядка. От полупериферии страны полуядра отличает то, что они имеют собственные транснациональные корпорации, располагают значительно большей автономией от ядра и благодаря этому воспроизводят себя как самостоятельные экономические формации. Таким образом, эти страны и соответствующие им региональные блоки могут претендовать на роль противовесов, способных ослабить влияние центра на мир-систему и стать основой для нового порядка.

Однако сказанное выше нуждается в одной существенной оговорке. Дело в том, что в настоящий момент среди национальных элит, представляющих страны полуядра, не сложилось никакого определенного консенсуса не только по поводу евразийского проекта, но и по поводу других региональных ассоциаций, которые формируются в рамках БРИКС. Скепсис в отношении альтернативных форм интеграции обусловлен тем, что эти элиты достаточно комфортно чувствуют себя и в рамках сложившегося неолиберального порядка. В том случае, если ставка будет сделана на дальнейшую рыночную интеграцию, полуядро распадется, так как соответствующие региональные блоки будут ассимилированы существующей мир-системой (см. рассмотренный выше второй сценарий). Возникновение эффективного противовеса возможно только на стейтистских принципах.

Несмотря на то, что экономические и политические элиты стран полуядра еще не настолько поглощены транснациональным капиталистическим классом, а сами страны сохраняют потенциал для самостоятельного развития и конкуренции с господствующей моделью капитализма, неолиберальная идеология по-прежнему пользуется среди них большой привлекательностью. В частности, некоторые транснациональные компании этих стран (например, ЛУКОЙЛ в России) открыто приветствуют неолиберальную экономическую политику, благодаря которой им удастся осуществлять свою международную экспансию и наращивать прибыли (от чего, впрочем, также частично выигрывают сами государства). И, следовательно, наиболее желательным сценарием интеграции для них является путь, описанный Б. Хеттне, согласно которому участие в региональных объединениях представляет собой переходное звено на пути к интеграции в неолиберальную мир-систему.

Для постсоциалистических стран также характерна тройственность интересов, чьими носителями являются, во-первых, наиболее крупные отечественные глобализирующиеся компании, во-вторых, филиалы западных транснациональных компаний и, в-третьих, отечественный бизнес, ориентированный на внутренние рынки. Очевидно, что внешняя экономическая политика формируется под значительным влиянием этих экономических блоков. Часть политической элиты открыто поддерживает неолиберальный курс, отвечающий интересам первых двух блоков, в то время как движение к автаркии в рамках Евразийского союза в большей степени отвечает третьему. Основные трения между российскими и западными элитами, представляющими интересы ведущих мировых торговых держав, сегодня возникают по поводу активного государственного присутствия в стратегических индустриях и в особенности государственного покровительства крупным российским транснациональным компаниям, работающим в энергетической сфере. И формирование региональных ассоциаций, таких как Евразийский союз, безусловно, усиливает их геополитический потенциал.

Заключение

После распада СССР постсоциалистические страны стали частью мир-системы, развивающейся по законам неолиберальной глобализации, что повлекло за собой значительную утрату их государственного суверенитета. И если для стран ЦВЕ вхождение в ЕС обернулось полной потерей экономической независимости, то страны СНГ подверглись существенно меньшей транснационализации не в последнюю очередь благодаря осознанному сопротивлению таких стран, как Россия, готовых ревностно отстаивать свои национальные интересы. Реставрацию евразийства как идейного движения, воплощаемого в современной евразийской интеграции, следует рассматривать как вполне закономерную реакцию на стремление западных стран распространить свое экономическое и политическое влияние по всему миру. Это движение не является агрессивным по своей природе, оно не стремится к экспансии и не утверждает собственное превосходство по отношению к другим идеологиям или взглядам на мироустройство. Оно весьма консервативно по своему содержанию и служит легитимационной основой для национальной модели капитализма, в которой государство рассматривается в качестве активного защитника национальных экономических интересов. Более того, в его наиболее актуальной интерпретации, которой сегодня придерживается В.В. Путин, оно допускает наличие собственных национальных приоритетов для каждой из стран, входящих в Евразийский союз, и тем самым обеспечивает им необходимую политическую гибкость. Однако поддержание национального суверенитета внутри регионального союза может оказаться более проблематичным, чем кажется на первый взгляд. Если интеграция примет форму движения к более открытым рынкам труда, капитала и товарной массы, в которых так заинтересован крупный бизнес, суверенитет будет подорван, в то время как значительная власть, наоборот, окажется сконцентрирована в наднациональных структурах. Это, в свою очередь, приведет к тому, что Евразийский союз, как и Европейский, станет одним из блоков, действующих внутри ядра мир-системы.

Альтернативным путем для Евразийского союза является формирование самостоятельного геополитического блока, допускающего развитие входящих в него стран на принципах, отличных от неолиберальной экономики и более органично сочетающихся с коллективистскими традиционными установками их населения. Для того чтобы государства могли поддерживать суверенитет и самостоятельность своей политики на сколько-нибудь разумном уровне, национальные законы должны иметь безусловный приоритет над законами союза. Альтернативой западной электоральной демократии также может стать более корпоративская политическая система. Что касается возможных очертаний экономической модели, то это может быть система, в которой приоритет экономического развития реализуется при активной поддержке государства, также стимулирующего частные компании нести часть социальной ответственности по отношению к работникам, потребителям и окружающей среде. В таком воплощении проект евразийской интеграции действительно может сформировать один из возможных полюсов многополярного мира.

Однако Евразийский союз не обладает достаточной экономической мощностью, чтобы на равных конкурировать со странами, образующими ядро мир-системы. Чтобы стать жизнеспособной альтернативой глобальному неолиберальному по-

рядку, ему потребуется укрепить свое сотрудничество с другими региональными блоками, такими как ШОС и БРИКС. Данный вариант является капиталистическим в основе своей формации, однако этот капитализм будет отличаться от неолиберального и, вероятнее всего, примет форму национального или государственного. Впрочем, в более длительной перспективе при условии, что в России, Китае и Латинской Америке созреет почва для реставрации социалистических идей, также не исключается эволюции этой модели в сторону обновленной формы рыночного социализма.

Литература

- Гумилев Л. (1993) Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос.
- Дугин А. (2004) Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Евразия.
- Лэйн Д. (2000) Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. № 1. С. 3–22.
- Barkai A. (1990) Nazi Economics. Oxford, New York: Berg.
- Crouch C. (2010) The Global Firm: the Problem of the Giant firm in Democratic Capitalism // Coen D., Grant W., Wilson G. (eds.) The Oxford Handbook of Business and Government. Oxford: Oxford University Press, pp. 148–172.
- Darden K. (2009) Economic Liberalism and Its Rivals. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dicken D. (2003) Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century. London: Sage.
- EBRD Transition Report 2012. London: EBRD.
- Falk R. (1999) Regionalism and the World Order after the Cold War // Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.) Globalism and the New Regionalism. London, New York: Palgrave, pp. 228–249.
- Held D., McGrew A. (1998) The End of the Old World Order? Globalization and the Prospects for World Order // Review of International Studies, vol. 24, no 5, pp. 219–243.
- Hettne B. (2001) Regionalism, Security and Development: A Comparative Perspective // Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.) Comparing Regionalisms. Basingstoke: Palgrave, pp. 1–53.
- Katzenstein P. (2005) A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Laidi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness // International Politics, vol. 49, no 5, pp. 614–632.
- Lane D. (2014) The Capitalist Transformation of State Socialism. London: Routledge.
- Mann M. (2013) The Sources of Social Power. Vol. 4: Globalisation 1945–2011. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mansfield E., Milner H. (1999) The New Wave of Regionalism // International Organisation, vol. 53, no 3, pp. 589–627.
- Mittelman J., Falk R. (1999) Hegemony: The Relevance of Regionalism // Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.) National Perspectives on New Regionalism in the North. London: Macmillan, pp. 184–185.
- Ohmae K. (1995) The Nation State. New York: Free Press.
- Schulz M., Soderbaum F., Ojendal J. (2001) Key Issues in the New Regionalism // Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.) Comparing Regionalisms. Basingstoke: Palgrave, pp. 234–276.

Перевод с английского Г.А. Ястребова

Eurasian Integration as a Response to Neo-Liberal Globalisation

D. LANE*

***David Lane** – Academician of the British Academy of Social Sciences, Emeritus Reader in Sociology and an Emeritus Fellow, Emmanuel College at Cambridge University. Address: Department of Sociology, Free School Lane, Cambridge CB2 3RQ, United Kingdom. E-mail: dsl110@cam.ac.uk

Citation: Lane D. (2015) Eurasian Integration as a Response to Neo-Liberal Globalisation. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 6–27 (in Russian)

Abstract

The neo-liberal globalised system has led to the breakdown of state borders allowing the market to flourish and consequently nation-states have lost power. The central European post-socialist new member states of the European Union have lost sovereign power as they are bound to the European Union by its comprehensive conditions.

The Eurasian Union (initially formed by Russia, Kazakhstan and Belarus) favours a capitalist form of economy which is part of the world economic system. It seeks to reverse in many ways the effects of globalisation, particularly to ensure the sovereignty of the nation state. The objective is to achieve these goals by forming regional blocs.

The New Regionalism approach, developed in Western political studies, regards regions as the successors to nation states. To be successful they require not only an economic basis but also forms of cultural identification and political and social linkages. The proposed Eurasian Union combines such cultural, political and social components, and fits very firmly into this framework.

This article dwells on the possible prospects for the Eurasian Union in the context of scepticism expressed by many scholars and commentators, and on similar historical precedents, such as European Economic Community (the predecessor of European Union) and the British Commonwealth. It concludes that in order to make a viable alternative economic regional bloc, cooperation with China and other BRICS countries would be essential for the Eurasian Union. Only then it could legitimate a different state system and more collectivist traditional values including those developed under the Russian and Soviet past. Such developments would provide the basis for a more pluralist and multi-polar world. It would be a capitalist alternative—organised national capitalism.

Keywords: Eurasian Union, European Union, British Commonwealth, BRICS, New Regionalism, world-system analysis, alternatives to neo-liberalism

References

- Barkai A. (1990) *Nazi Economics*, Oxford, New York: Berg.
- Crouch C. (2010) The Global Firm: the Problem of the Giant firm in Democratic Capitalism. *The Oxford Handbook of Business and Government* (eds. Coen D., Grant W., Wilson G.), Oxford: Oxford University Press, pp. 148–172.
- Darden K. (2009) *Economic Liberalism and Its Rivals*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Dicken D. (2003) *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century*, London: Sage.
- Dugin A. (2004) *Evraziiskaya missiya Nursultana Nazarbaeva* [The Eurasian Mission of Nursultan Nazarbaev], Moscow: Evraziya.
- EBRD Transition Report 2012*, London: EBRD.
- Falk R. (1999) Regionalism and the World Order after the Cold War. *Globalism and the New Regionalism* (eds. Hettne B., Inotai A., Sunkel O.), London, New York: Palgrave, pp. 228–249.
- Gumilev L. (1993) *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii* [The Rhythms of Eurasia. The Epochs and Civilizations], Moscow: Ekopros.
- Held D., McGrew A. (1998) The End of the Old World Order? Globalization and the Prospects for World Order. *Review of International Studies*, vol. 24, no 5, pp. 219–243.
- Hettne B. (2001) Regionalism, Security and Development: A Comparative Perspective. *Comparing Regionalisms* (eds. Hettne B., Inotai A., Sunkel O.), Basingstoke: Palgrave, pp. 1–53.
- Katzenstein P. (2005) *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*, Ithaca: NY: Cornell University Press.
- Laidi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness. *International Politics*, vol. 49, no 5, pp. 614–632.
- Lane D. (2000) Preobrazovanie gosudarstvennogo sotsializma v Rossii: ot «khaoticheskoi» ekonomiki k kooperativnomu kapitalizmu, koordiniruemomu gosudarstvom? [Transformation of State Socialism in Russia: from ‘Chaotic’ Economy to Corporate State-regulated Capitalism]. *Mir Rossii*, vol. 9, no 1, pp. 3–22.
- Lane D. (2014) *The Capitalist Transformation of State Socialism*, London: Routledge.
- Mann M. (2013) *The Sources of Social Power. Vol. 4: Globalisation 1945–2011*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mansfield E., Milner H. (1999) The New Wave of Regionalism. *International Organisation*, vol. 53, no 3, pp. 589–627.
- Mittelman J., Falk R. (1999) Hegemony: The Relevance of Regionalism. *National Perspectives on New Regionalism in the North* (eds. Hettne B., Inotai A., Sunkel O.), London: Macmillan, pp. 184–185.
- Ohmae K. (1995) *The Nation State*, New York: Free Press.
- Schulz M., Soderbaum F., Ojendal J. (2001) Key Issues in the New Regionalism. *Comparing Regionalisms* (eds. Hettne B., Inotai A., Sunkel O.), Basingstoke: Palgrave, pp. 234–276.